

Книжное наше богатство

Более 30 лет комплексные археографические экспедиции Московского государственного университета собирают материалы по истории и современной жизни старообрядчества разных общин и согласий. Проводилось и ведется обследование устной и письменной культуры и традиции, собирается фольклор и современный говор староверов, фиксируется иконописная и музыкальная традиция, прежняя и новая. Места работы экспедиций – деревни, поселки, скиты, монастыри и города в Брянской области, на Стародубье, в Злынке и на Гомельщине, на Украине и в Молдавии, в Казани, в Казахстане, на озере Иссык-Куль, в Алма-Ате, в Ставрополье, на Иргизе и во многих уголках Подмосковья (в Верее, Орехове, Подольске, Боровске, Гуслицах) – и в самой Москве. Многолетними и плодотворными были исследования в многочисленных районах Пермской области – на реке Язьве под Красновишерском, в Верещагине, Ильинском, в Чердыни, Соликамске, Ныробе и Перми. Именно в этих районах проживания староверов были найдены многие рукописи и старопечатные книги.

Книжное слово в жемчугах ходит

В далекой уральской старообрядческой деревне, куда добраться можно только зимой на лошадях по замерзшей реке, в доме старейшей жительницы довелось увидеть книгу, напечатанную в Москве в конце XVI века. Ее хранили долго и бережно, по ней молились, на полях ее записывали важные события из жизни семьи и деревни. Пять веков трудного времени оставили в книге свои следы.

В дом зашел молодой сосед-охотник и, привлеченный разговором о старой книге, попросил:

– Дай посмотреть, бабушка Агафья!

Она так и вскинулась:

– Эдакую *святыню* тебе в табашные-ть руки!..

Такая живая современная оценка книги как святыни находит свой исток в древнейших временах. Так было всегда, изначально. Покидая обжитые места, уходя от пожаров и набегов врага или гонимые утеснителями за веру, люди забирали с собой только детей, иконы и книги. Как самую большую драгоценность, как благословение родителей передавали книги из поколения в поколение. В одном сказании, и по сей день бытующем в верховьях реки Камы в общине староверов сообщается: «Был монастырь на реке Чурсовой. И гонители туда пришли. Весь монастырь сгорел и все, кто там был. Только одну девушку из окошка выбросили, с благословением и с одной книгой за пазухой. Оттуда и вера наша пошла».

Трудно представить сейчас, что всего несколько веков назад громадное пространство страны, заселенное сильными и отважными людьми, было почти полностью бесписьменным и бескнижным. Письменность и книги пришли вместе с христианством. И первыми книгами стали книги святы. В последующие века по ним справляли службу, по ним учились читать. Под чтение текстов человек входил в мир и уходил из жизни.

Христианство с самых первых своих шагов было ориентировано на книгу как на один из главных предметов богослужебного обихода и инструмент духовного просвещения. Священные рукописные книги, появившись на Руси тысячелетие назад, позднее, с началом книгопечатания, стали сосуществовать с печатной книгой и лишь постепенно вытеснялись ею. В историческом движении внедрение книгопечатания в Европе, а затем и в России, может быть расценено как второй этап христианизации.

При этом в силу понятных особенностей книгопечатного дела, если «рукописный этап» введения христианства занял несколько столетий (от X до середины XVI в., до 1564 г., считающегося годом начала русского книгопечатания, когда Иван Федоров издал в Москве свой знаменитый «Апостол»), то «книгопечатный этап» уместился на Руси в столетие.

Более того, реформаторские течения церкви и в Западной Европы, и России, могут быть осмыслены под определенным углом исторического зрения как результат большого числа влияний, среди которых значительная роль принадлежит книге. Так в России, в середине XVII в., патриарх Никон начал свои реформы с исправления книг церковных; негативной реакцией на эти «новшества» стало духовное движение, широко всколыхнувшее тогда русскую церковь, сохранявшееся на протяжении нескольких веков и до сих пор остающееся актуальным. Его живому и прочному консерватизму обязаны мы тем, что и теперь в самых дальних краях России находим в бережном употреблении многочисленные старые рукописи, а также книги, изданные до середины XVII века, и можем любоваться этими замечательными памятниками русской культуры на выставках или в современных воспроизведениях.

В течение долгих веков конфессиональная святость книги, ее редкость и высокая обиходная ценность внушали совершенно особое к ней почтение. В XVI столетии новгородский грамотей-переписчик, фиксируя свое отношение к копируемой им книге, утверждает, что служит сия книга «благочестивым православным крестьянам на утеху, а душам их на спасение, а именам их на доброславие, гордым – на зависть, а мудрым – на похвалу». Бывает, что возвеличивают себя люди друг перед другом «коньми скорыми или оружием острым или иным чим храбрством». А между тем только мудрость душевная важна и значима, и идет та мудрость от книг святых.

В XVII столетии, уже ближе к нашим временам, в Москве при храмах создаются школы для обучения чтению и письму детей боярских и служилых людей. И в одной из грамот 80-х годов XVII века находим обязательство церковного пономаря: «Книг беречь, и малым ребятам... приказывать накрепко, чтобы они, говоря по книгам, книг берегли, не драли и воском слов не закаливали».

Безусловно, рукописные книги Древней Руси были по своему жанру не только богослужебными. До нас дошли и многочисленные летописи, и государственные грамоты, и описания путешествий, нравоучительные повести, космографии, эпистолярии – знаменитые новгородские берестяные грамоты. В репертуаре средневековых рукописей духовный жанр являлся ведущим, но не подавляющим. И на этом фоне резко выделяется тот факт, что русская первопечатная книга предстает перед нами как исключительно богослужебная. В течение почти столетия русский печатный станок выпускает одни молитвенные тексты.

Отклонения от этой традиции – уникальны. Иван Федоров, «друкарь книгъ, пред тем невиданных», издал в 1574 г. во Львове свою знаменитую Азбуку, ради, как сказано в послесловии к ней, «скорого младенческого научения». «Азбука – наука, робятам не бука». Понимая, какую исключительную важность будет иметь эта книга для многих поколений, Иван Федоров придает своему послесловию характер педагогической проповеди, обращенной к родителям и наставникам. Смело противореча царившему тогда в русском жизненном укладе Домострою, первопечатник защищает детей от отцовского произвола, призывает воспитывать их «в милости, в благоразумии». Вот как сказано в послесловии к Азбуке: «Отцы не раздражайте чадъ своих, но воспитайте их въ учении господни, в милости, в благоразумии, в смиренномудрии, в кротости, в долготерпении, приемлюще другъ друга, и прощение дарующе». Здесь, на заре русского книгопечатания, автор выступает как провозвестник гуманной педагогики. Кроме того, Он сам рисовал для книги буквицы и заставки, писал примеры, сам составил свое обращение «к возлюбленному русскому народу».

Азбука Ивана Федорова оказала существенное влияние на многие последующие аналогичные издания. Почти все русские пособия по обучению грамоте, а это и был первый путь освоения духовной культуры, приобщения к христианскому знанию, составлялись по ее образцу, включая московский Букварь Василия Бурцова (1634) и «Первое учение отрокам» (1721) Феофана Прокоповича – ученого, переводчика и поэта.

Русское книгопечатание наследует от рукописной традиции чрезвычайно высокое личное отношение к книжному делу. Анисим Михайлов Радищевский, печатник, переплетчик и автор трактата о воинской науке, издает в Москве в 1606 г. Евангелие с послесловием, в котором полностью именуя себя, определяет свою работу как «мастерство», а саму книгу предлагает читателям как «первый святого духа дар, всем верующим во исполнение законного утверждения, яко некая царская сокровищница словесного любомудрия». Экземпляр этого издания, хранящийся в Рукописном отделе Института русского языка Российской академии наук, имеет на своих листах запись 1638

года: Книгу вкладывает в монастырь печатник Иван Тарасьев Грамотин «по себе и по своих родителей в наследие вечных благ». Слово «печатникъ» написано крупно и уверенно. Книга – высокая ценность, и акт ее дарения в святое место приобщает дарителя к вечному блаженству!

Среди огромного моря русской книжности выделяются островки, пусть не всегда самые замечательные или самые красивые, но все – безусловно, интересные и художественно, и исторически. Не все века отражены равно, не все школы, направления, типографии или жанры. Но каждый сохранившийся, дошедший до нас экземпляр можно представить как ступеньку высокой лестницы замечательных памятников культуры и истории.

Монастырские, церковные и общинные, государственные и частные книжные собрания традиционно были хранилищами русской книжности. Традиция частного коллекционерства сквозь трудные годы конфискаций дошла и до наших дней. Одни поколения собирателей сменялись другими. В последние годы возвращается и традиция экспонирования наиболее ценных святынь из частных коллекций.

Институт русского языка Российской академии наук владеет собранием рукописей и старопечатных книг, поступивших в разное время и из разных источников. Часть книг была передана Институту из дублетного фонда Рукописного отдела Государственного исторического музея, который хранит Синодальное собрание, включающее многие вкладные книги церквей и монастырей.

Самый древний из памятников собрания – рукописное апракосное Евангелие, которое по филиграммам на бумаге (маленький одноручный кувшинчик – 1495 г. и голова быка с крестом, обвитая змеей, – 1492 г.) может быть отнесено к самому концу XV или к началу XVI века. Доски переплета рукописи первоначально были обтянуты синей крашениной, о чем можно судить по оставшемуся от нее небольшому клочку. Рукопись хранилась в крестьянской семье в селе Песчанке Курганской области. Евангелие было переписано одним писцом, полууставным почерком, рукопись не имеет никаких украшений, но текст аккуратно исполнен светлорыжевными чернилами, а все заглавия, инициалы и номера зачал на полях написаны киноварью тем же почерком. Из русских святых в Месяцеслове Евангелия упомянуты под 25 сентября преподобный Сергей и под 21 декабря митрополит Петр.

Редкостно полное собрание русских святых содержат рукописные Святцы 1815 года. Это маленькая книжечка, в 16 долю листа, размером 10 см в длину, написанная мелким четким почерком. Она хранилась в старообрядческой семье подмосковного города Верея и имеет, возможно, северное происхождение, поскольку Святцы включают всех

основателей северных монастырей, бывших выходцами из Троице-Сергиевой Лавры, учениками и собеседниками Сергия. Записи о них более подробны и содержат конкретные местные детали.

В этих дошедших до нас Святцах – целая северная Фиваида, как называл русское подвижничество агиограф А.Н. Муравьев, а вслед за ним Георгий Федотов, подробно описавший святых Древней Руси. В Святцах все дни памяти русских святых отмечены на полях красными крестами.

Из Сибири, из Красноярского края, попал в Москву рукописный сборник XVII века. Его ценность значительно увеличивается благодаря тому, что в нем собраны отдельные памятники, сохранившиеся в русской письменности либо в немногих, либо в более поздних списках. В рукописи прямо не говорится о месте ее написания, но содержание ее отражает острую и напряженную полемику, существовавшую между нестяжателями во главе с Нилом Сорским и иосифлянами, сторонниками сильной церковной власти. «Устав Нила Сорского» и Послания Нила в Волоколамский монастырь, где игуменом был Иосиф Волоцкий, были популярнейшими и часто переписываемыми произведениями. Сборник содержит и сочинения знаменитого Максима Грека, который жил в монастыре в ссылке и выступал против иконоборчества. «Слово о поклонении святых икон» Максима Грека направлено против «явившегося в немцах иконоборца Люторя».

Несмотря на то, что в XVII в. книгопечатание развивается уже достаточно бурно, рукописные книги все еще продолжают не только широко бытовать, но и создаваться. Однако к XVIII–XIX столетиям рукописи древней традиции можно найти только в старообрядческой среде. Оттуда выходят и дивного мастерства певческие рукописи, сохраняющие традиционную знаменную или крюковую нотацию и поддерживающие звучащую жизнь древнего пения.

На севере, в крупнейшем центре старообрядчества, Выголексинском общежительстве, вырабатывается особый, совершенно своеобразный, так называемый поморский стиль письма, который потом будет использоваться в рукописях и других мест. В его основе – барочный орнамент, очень сложный по рисунку и необыкновенно разнообразный по цвету. Целый лист занимает рамка-заставка с одной или несколькими вписанными строками заглавия, огромные во весь лист высотой инициалы и украшения на полях в виде цветущих веток с сидящими на них птицами. И при этом обилие красок, с введением золота, повсюду разбросанные грозди алых ягод-малин. Другой тип украшения певческих рукописей – тоже пышный, также с растительными мотивами и яркой раскраской синими, зелеными, розовыми цветами и изобильным золотом – происходит из Гуслиц, старообрядческого центра, расположенного недалеко от Москвы. Гуслицкий стиль

моложе поморского.

При издании певческие рукописи воспроизводились литографически, благодаря чему до нас дошло все мастерство и искусство исполнения этих древних списков рукописей. Художественный облик рукописной книги органично связывается с ее содержанием. Миниатюрное изображение иконы Казанской Богоматери сопровождается текстами описания ее чудес, такими же нежными и прозрачными по смыслу, как акварельные краски иконы. Рассказывается, что раньше такого образа нигде никто не видел. Икона Божьей Матери сама явилась в Казани и чудесно лечила болезни очей. Чудо первое состояло в том, что человек, проситель милостыни, именем Иосиф, совсем не видел – и прозрел.

Замечательно, что в рукописи оставлена запись переписавшего ее в 1637 г. крестецкого ямщика Матфея Федорова, который зашифровал свое имя тайнописью. И сама икона, и сказание о ней стали особенно почитаемы в 1612 г. после освобождения Москвы, которое приписывалось покровительству иконы. Сказание же о ней записал в 1594 г. патриарх Гермоген, сыгравший в истории России значительную роль. Именно при патриархе Гермогене печатанием книг занимались типографы А.М. Радищевский и Иван Андроник Невежин.

К концу XVII в. Москва становится крупнейшим славянским центром книгопечатания. К Московскому Печатному двору, издающему книги уже второе столетие, прибавляется в 1679 г. Верхняя типография, расположенная в Кремле, личная печатня царя Федора Алексеевича, специально созданная для Симеона Полоцкого, поэта и писателя, редактора, издателя, переводчика, активного сторонника просвещения в России и обмирщения русской культуры. Лучшие книги Симеона Полоцкого – «Псалтырь рифмотворная» 1680 года и «Обед душевный» 1681 года.

Автор специально выделяет назначение книги: «не дабы тако в церкви чтенней быти, но еже в домех часто ю читати». Впервые на Руси Полоцкий переложил всю Псалтырь рифмотворную на силлабические стихи; при этом он не подражал известной ему польской стихотворной Псалтири, а сочинял, как он сам пишет, – «снисходя обычаю рода и страны» российской. Он стремился к прояснению смысла псалмов, который «глубоко сокрыся», его намерение состояло в том, что «неудобное откровенно будет».

Симеон Полоцкий четко осознавал новизну своей деятельности: «Труди сия в России новые» и многократно повторял в предисловиях к благочестивому читателю, что «художество стихотворения – это искусство, которое употреблялось с древнейших времен, что стихотворные труды угодны церкви и одобряемы царем, что нужно наконец и славянские рифмы «миру дати» и что сложение «славенских стихов» – большой труд,

сравнимый с библейским. «Под трудами Давида мой аз полагаю», – и это означало, что Симеон Полоцкий сравнивал свой перевод с созданием Псалтири царем Давидом.

Титульный лист книги выглядит как грамота с характерной для начала формулой «Во славу Господа Бога...», и заканчивается авторской подписью, напечатанной с соответствующим отступом: «Стихотворил иеромонах Симеон Полоцкий».

Вместе с Симеоном Полоцким в Верхней типографии сотрудничают крупнейшие художники – Симон Ушаков и Афанасий Трухменский. Симон Ушаков был одним из самых видных царских живописцев Оружейной палаты. Расписывая Архангельский собор в Кремле, он изображал реальные исторические лица тех, кто захоронен в этом княжеском некрополе. Кроме того, 22 года, практически до самой смерти Ушаков руководил иконным цехом Оружейной палаты. Для книг Симеона Полоцкого он сам «знаменал» гравюры.

Издания конца XVII века Московского Печатного двора и Верхней типографии – это и памятники гравюрного искусства. Ксилографии, которые вырезались на дереве, гармонировали с кириллическим шрифтом, и в гравюру включались многострочные надписи. Гравюры на дереве предназначались к печати одновременно с наборным текстом. Для изданий Симеона Полоцкого, печатавшихся в Верхней типографии, впервые в Москве стали резать гравюры на меди. Это были роскошные фронтисписные гравюры с тончайшей проработкой деталей, обильно украшенные архитектурными композициями. Лучшими знаменщиками и резчиками того времени были Симон Ушаков, Афанасий Трухменский, Иван Зубов. Гравюры подписывались и датировались.

Древняя традиция предписывала готовую книгу одевать в богатый оклад. Книгу для крепости заключали в доски, а сверху покрывали кожей и скрепляли металлическими застежками. На окладе Евангелия 1648 г. Московского Печатного двора сохранились две застежки, выполненные в виде человеческих фигур. Переплет этой книги XIX века – редкостный образец русского ювелирного искусства. Таким же драгоценным книгохранителем смотрится и оклад: он синего бархата с накладными металлическими средником и наугольниками с тонко гравированными изображениями Евангелистов.

В 1988 г., когда мир торжественно праздновал 1000-летие Крещения Руси, в Париже в залах ЮНЕСКО была развернута выставка «Старые книги Древней Руси». Вместе с иконами на дереве и лицевым шитьем старопечатные книги и рукописи являли собой памятники тысячелетней христианизации России. Большая часть экспонатов была книгами и рукописями из собраний староверов. Как сказал тогда директор выставок ЮНЕСКО в Париже, – «это только видимая часть айсберга, <...> часть того, что сохранилось и содержится в хранилищах <...> Эти – зримые теперь вехи культуры и

истории – великолепный вызов времени, которое – не будь их – могло бы казаться застывшим».

История одной книги московского собрания

В рукописном отделе библиотеки Московского университета хранится книга с удивительной, длинной и порой трагичной историей. Она отражена не в содержании книги, а на ее полях в рукописных личных записях, иногда коротких, иногда – весьма обширных. И из этих записей, где упоминаются многие люди и церкви, приводятся разные даты и рассказывается о случившихся событиях, можно узнать о жизни страны и о происходивших в ней переменах, о войнах и смертях, о родственных и семейных связях.

Эта книга – самое раннее виленское издание Евангелия: оно было напечатано 30 марта 1575 г., как сказано в его выходных данных, в городе Вильнюсе, или Вильно, как назывался тогда этот город, в типографии братьев Луки и Кузьмы Ивановичей Мамоничей. Издателем был Петр Тимофеев Мстиславец, сотоварищ Ивана Федорова, разделивший с ним славу московского первопечатника. Когда в Москве для первопечатников сложились трудные обстоятельства, они переехали в Литву. И здесь Петр Мстиславец в основанной им новой типографии напечатал замечательную книгу «Евангелие напостольное». В послесловии к книге он излагает свою издательскую программу, выступая как гуманист-просветитель, противник темноты и невежества, которые достойны осмеяния «ненаучения вкупе и неразумия лютого», здесь же он говорит о «просветительной благодати» и объявляет, что решил издавать книги для «жаждущих духовного сего пива».

«Евангелие» напечатано форматом в лист, и в нем 792 страницы. Четыре гравюры евангелистов обозначают вид Евангелия – как Четвероевангелия, или тетрѣ. Гравюры выполнены размером в полную страницу и обрамлены арками; пространства около изображений евангелистов заполнены растительным орнаментом и архитектурными деталями, диковинными фигурами львов, дельфинов, мифическими существами. Напечатана книга с большим мастерством, в две краски – черную и красную, которой набираются начальные буквы, образующие «красную строку».

В течение 430 лет книга побывала в разных местах, неоднократно переходила из рук в руки, была в употреблении у многих людей, которые оставляли свои записи на ее полях.

На обклейке верхней крышки переплета Евангелия 1575 г. находится ярлык Императорского общества истории и древностей российских, с пометой «Отд. 11. № 9». Такая же помета сохранилась и на корешке книги. На первом переплетном листе оставил свой автограф Павел Михайлович Строев, с указанием даты: «19 апр. 1847». Этот

замечательный историк и археограф собирал древние книги и рукописи для Синодального собрания, смотрел книжницы северных монастырей и обителей; видимо от него книга и оказалась в Библиотеке Императорского общества истории и древностей российских. Еще раньше в книге по левому полю расписался «Ивань Куликов».

Предыдущие владельцы Евангелия жили в XVII столетии и писали на книге скорописью. Из сохранившейся записи на 10 листах перед нами встает целая семья с разветвленной системой родства, которая вкладывает книгу, называемую Евангелие тетрь (в соответствии с названием четвероевангелия в книге действительно находятся четыре гравюры в лист с изображением четырех евангелистов) в церковь святого Спаса и просит об отпущении грехов. Книга была отдана в церковь 5 марта 1610 г. от Рождества Христова. Вот эта запись на листах книги со 2-го по 11-й (при передаче текста мы помечаем буквы, написанные над строкой, курсивом):

«Я раб божии Федор и з братом своим Настаси... Лавреном и Дмитрием и з маткою моею Мотреною и з женою моею Полиною дали есмо до храму бжого с(вя)того Спасса сию книгу рекомую еу(ан)глие тетрь за отпущение грехов своих. Помяни з(о)с(под)и деда нашего Иоанна, Авдея, Стефаниды, Орини, Конона, Настасии, Федора, Илии, Марка, Гаврила, Татьяны, Михаила, Орини, Стефана. А вы отцы стьи чтете а нас грешных поминайте Федора, Лаврена, Дмитрия данна сия книга... рожения Хсва а. шесот і го мсца марта е. дня Петра, Овдоии Солтоновны, Остапия... Огаии, Татьяны, Конъдрата».

Книга Евангелие служит для этой большой семьи семейным синодиком. Запись сделана через 35 лет после выхода книги, и можно думать, что в записи отражены имена живущих и умерших за это время членов этой многочисленной семьи во главе с дедом Иоанном. Запись на книге интересна еще и графически: здесь представлены особенности письма самого начала XVII века: несколько раз встречаются буквы «ять» и написание буквы «и» на месте «ять» – грихов, «а» йотированное, «ижица» и «омега» дважды в именах собственных – внутри слова и как заглавная, многочисленны знаки выносных над строкой букв. Цифры в дате написаны словами и буквами – одновременно: так, словно бы автор записи «раб божий Федор» знал, какая буква соответствует цифрам «один, десять, пять», но не знал, как написать «шестьсот» одной буквой и написал всё слово целиком «шесот».

А дальше на этой же книге Евангелия Петра Тимофеева Мстиславца 1575 г. почерком, близким по времени к почерку первой записи, имеется новая запись, сделанная через 40 лет, в ноябре 1650 г., на двадцати листах книги, и из записи известен покупатель книги – Петр Волосович: *«Во имя отца и сна и с(вя)того дха амин. Сию книгу глемую евангелие*

тетрь купил рабъ бжии Петръ Волосович и з жоною своею Анною своего ради спасения и телесного здравия за отпущения греховъ своихъ на тот час будучу с(вя)щеннику Иоану и даемо ей до церкви с(вя)той на Ожере що я уразумеваи сего светныя мешкания. По смерти моеи жоне волно узяти. Помяни гсди преставшагося раба бжого Марка, Анна, Стефана, Стефана, Матфея, Ганну, Андрея, Михало, Мрію, Саву, Станеслава, Тетяну и Максима, рок бжого .ахн. мсца ноевѣрія дня».

Снова книга называется своим полным именем – Евангелие тетрь, его купил Петр Волосович, вместе со своей женой Анной, и тоже «за отпущения грехов своих», и книга была отдана священнику Иоанну в церковь на Ожере. В небольшом тексте, точно датированном серединой XVII в., нашли отражение многие фонетические черты западно-русского диалекта автора записи. В то же время из нее становится очевидным, что писавший хорошо знаком и с правилами составления подобных записей, и с буквенным обозначением даты.

Из следующей записи, сделанной тем же почерком, становится понятно, что и владельцем, и продавцом книги было одно и то же лицо – это «*Семен Иван Гошувський снъ Саюсар* [м.б. неразборчиво – Е.С.] *и з жоною своею Анжною продал есмо евангелие Петру Волосовичу*». Стоит обратить внимание, что и при покупке, и при продаже упоминаются жены как совладелицы книги.

И дальше в записи рассказана удивительная история этой многострадальной книги. В доме у Игната в селе Монастырищи «козаки идучи з войска» (казаки, по дороге с войны) за угощение с выпивкой оставили, видимо, в уплату бывшую у них книгу Евангелие, или, говоря проще, пропили ее. Из этого дома он, Семен Иванович, взял себе жену, а у нее «було это запитое евангелие», и он продал книгу Петру Волосовичу. При этом перечислены свидетели покупки, мещане и церковный староста, из чего можно узнать еще шесть имен людей того времени из церковного окружения, и точную дату покупки и продажи – 24 ноября 1650 г.

А книга живет дальше – и история ее остается у нее на полях.

Почерком XVIII в. по внешнему полю на сорока листах – запись частью обрезана: «Сия книга глаголемая евангелие куплена рабомъ божиимъ Андреем Карповичем Мелниковым жителем Супрагин и дана в церковь Рождества Христова в сели Супряги ... за отпущение греховъ своих ...» И дальше следует обычное окончание вкладной записи, где говорится, что книгу нельзя никому брать и нельзя красть – «а хто таковую книгу отлучить или вкрасть с церкви Супрагинской тот будет трижды проклят яко Ария безумнии. анафема. анафема. анафема». И нет, как видим, хуже врага, чем Арий безумный. В конце концов, книгу находит П.М. Строев, и она оказывается в Библиотеке

им. В.И. Ленина, видимо, переданная из Императорского общества истории и древностей российских, а оттуда, как не единственный у них экземпляр, поступила в Библиотеку Московского университета.

Второй экземпляр Евангелия, напечатанного Петром Мстиславцем, экспедиция Московского университета обнаружила в городе Ржев Калининской обл. Книга сохранила переплет XVI века – доски, поволоченные зеленым шелковым рытым итальянским бархатом. Очевидно, книга неоднократно переплеталась за время своего бытования с 1575 до 1966 года, когда она была найдена в старообрядческой общине Ржева, но использовались старые доски и паволоки, а припереплетные листы на книге более позднего времени. Сохранилась плоская металлическая застежка с глазковым орнаментом. По золотому обреза чеканный орнамент.

Первая запись на первых листах начала XVII века, скорописью. Антипа по прозвищу Гус (м.б. Гусь, потому что знак редуцированного в конце слова отсутствует) со своим сыном Козьмой положил эту книгу Евангелие тетрь в городе Твери, в церковь Воскресения Лазаря, что на посаде, по своим родителям – отцу Родионе и матери Ирине и по всем своим (родственникам), и книга должна быть там на престоле неизменно.

«Лета .з. сто ркг. году ноября .ке. день [6123 году ноября 25 день – 25.11.1614 г.] молится раб бжйи Антипа прозвище Гус (с) с(ы)ном своим с Козмою Лазареву Воскресению при гдре е и великом князе Михаиле Федоровиче всея... при архиепискупе Арсение при Тверском... положил сию книгу евангелие тетрь в церковь на престол Лазареву Воскресению во граде во Твери на посаде при собе по отце Родионе і по матери Ирине и по всех своих... а хто сию книгу возмет с престола судя ему гспдъ бгъ».

Еще одна запись на этом же Евангелии, возможно, более ранняя, почти везде срезана; по оставшимся частям можно судить, что формула совпадала, расходились имена – новый хозяин срезал имя прежнего владельца. А из записи 1726 года становится известным, что священник Дмитрий Матвеевъ града Тфери продал сию церковную книгу бывшей церкви Лазарева Воскресения Костромского уезду Троицьго м(о)н(ас)тра села Бабина Фролу Иванову Кичигину зачисто.

Этот почти пунктирный абрис русской книжной культуры хотелось бы закончить выражением глубокой признательности потомков всем тем многочисленным авторам, переводчикам, переписчикам, издателям, печатникам, справщикам, хранителям и нынешним владельцам книг и рукописей, которые дарят нам радость общения с этими отечественными святынями – великолепными памятниками русской письменности и культуры, позволяют читать их, исследовать и извлекать из них драгоценные зерна мудрости и добра.

Список литературы

1. *Агеева Е.А., Кобяк Н.А., Круглова Т.А, Смилянская Е.Б.* Рукописи Верхокамья XV-XX вв. Каталог. Из собрания Научной библиотеки Московского университета им. М.В.Ломоносова. – М.: Цимелия, 1994. *Е.Б.Смилянская, Е.М.Сморгунова* . Памятники письменности Верхокамья. Приложения: публикация рукописных текстов.
2. Азбука, печатник Иван Федоров, Львов, 1574 г.
3. Апостол, печатник Иван Федоров, Москва, 01.03.1564.
4. Гавриил Бужинский, перевод с лат. книги Вильгельма Стратемана «Феатрон или позор исторический». Санкт-Петербург, типография Александро-Невского монастыря, авг. 1724 г.
5. Евангелие, печатник Анисим Михайлов Радишевский, Москва, 29.06.1606. Рукописный отдел Института русского языка Академии Наук СССР; вкладная запись в монастырь 1638 г. печатника Ивана Тарасьева Грамотина.
6. Евангелие. Москва, Печатный Двор. 6.I.1648 (1.XI.-6.I.17156). 4°.
7. Евангелие. Вильно, тип. Луки и Кузьмы Ивановичей Мамоницей, изд. Петр Тимофеев Мстиславец. 30 марта 1575 г. Рукописный отдел библиотеки Московского Университета.
8. Евангелие, рукопись, полуустав, кон. XV – нач. XVI в. Рукописный отдел Института русского языка Академии Наук. Рукопись хранилась в крестьянской семье в селе Песчанке Курганской области.
9. Пермские Епархиальные ведомости. 1867 г. №№ 8, 17, 34.
10. Святцы, рукопись, 1815 г. 16°, 10 см. Частное собрание. Рукопись хранилась в старообрядческой семье подмосковного города Верея.
11. Симеон Полоцкий. Псалтирь в стихах. Москва, тип. Верхняя, IV. 1680 (7188). 2°.
12. Симеон Полоцкий. Обед душевный. Москва, тип. Верхняя, X. 1681 (7190). 2°.
13. *Сморгунова Е.М.* Лингвистические проблемы в археографических исследованиях (языковые особенности русского старообрядческого населения). // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. (По материалам археографических экспедиций МГУ 1966-1980 гг.). М., 1982.
14. *Сморгунова Е.М.* Из рукописей Верхокамья: особый вид взаимодействия устной и письменной традиций. // Мир старообрядчества. Вып. I: Личность. Книга. Традиция. М.-СПб.: Хронограф, 1992. (В Приложении: публикация рукописных текстов).
15. *Сморгунова Е.М.* Современные рукописи Верхокамья: ответ староверов на вызов времени. (Вступительная статья, публикация и примечания). // Рукописи. Редкие

издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского университета. М.: Изд-во «Археографический центр», 1997.

16. *Сморгунова Е.М.* Современная жизнь в ожидании конца света (некоторые эсхатологические представления пермских староверов в последние годы XX в.). // Старообрядчество: история, культура, современность. Тезисы научной конференции 24-25 апреля 1996 г., Москва. – М., 1996.

17. *Сморгунова Е.М.* «А где он Антихрист - нам секрет». Эсхатологические представления современных пермских староверов. // Живая старина. 4 (20), М., 1998.

18. *Сморгунова Е.М.* Библейский Исход и рассеяние русских староверов: некоторые изоморфные черты. //От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. Сборник статей. Академическая серия. Вып. 2. М., 1998.